

УДК 811.161.1'374(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

О ЗАБЫТОЙ КАРТОТЕКЕ НЕИЗДАННОГО «УШАКОВСКОГО» СЛОВАРЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1920-х гг.

Приёмывшева М. Н.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>

SPIN-код: 4188-4347

Стукова Е. Г.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-340X>

SPIN-код: 4721-0396

А н н о т а ц и я . Статья посвящена малоизвестным страницам истории Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН и описанию обнаруженной в августе 2023 года в ее архивах картотеки словаря русского литературного языка 1920-х гг., инициатива создания которого принадлежала В. И. Ленину и руководство над работой которого было поручено Д. Н. Ушакову. Этот словарь, задуманный как справочное пособие для борьбы с неграмотностью в послереволюционной России, в силу сложных исторических, политических и экономических причин так и не был издан и в разных документах фигурирует как «ленинский» (по фамилии автора идеи), «московский» (по месту создания, в основном в документах петроградских составителей словаря) и «ушаковский» (по фамилии главного редактора). Работой по созданию этой картотеки руководил в 1921–1923 гг. Д. Н. Ушаков, главой петроградской группы, участвовавшей в её создании, был Л. В. Щерба. Картотека этого словаря, переданная из Москвы в Ленинград в 1934 г., считалась утерянной. В статье собраны и обобщены опубликованные ранее факты по истории этой картотеки и подробно представлены данные, в том числе и из архивов Института, касающиеся истории нахождения картотеки в фондах Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. В статье впервые публикуются два письма Д. Н. Ушакова В. М. Истрину за 1925 г. (с незначительными сокращениями), в которых кратко описывается ситуация возможной утраты фонда и обнаружения его Д. Н. Ушаковым и обсуждается возможность его передачи в Академию наук в Петроград. Рассматриваются причины сложной судьбы и дальнейшего забвения картотеки, принимается во внимание противоречивая и динамичная культурная и общественно-политическая конъюнктура 1920-х гг. В статье дается краткое описание фонда, а также, на материале фрагмента картотеки *колупать-коммфракция*, дается краткая его характеристика (словник, источники, объем выборки, отдельные персоналии). На материале карточек, содержащих материалы для словарной статьи, делается попытка восстановить ее предполагаемый внешний облик.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история отечественной лексикографии; методология лексикографии; картотека «ленинского» словаря; Большая словарная картотека; Институт лингвистических исследований РАН

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приёмывшева, М. Н. О забытой картотеке неизданного «Ушаковского» словаря русского литературного языка 1920-х гг. / М. Н. Приёмывшева, Е. Г. Стукова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 243–260. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260.

ON THE FORGOTTEN CARD INDEX OF THE UNPUBLISHED “USHAKOV’S” DICTIONARY OF THE 1920s

Marina N. Priemyshsheva

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>

Ekaterina G. Stukova

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-340X>

Abstract. The article covers little-known episodes of the history of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The article focuses on the history of the might-have-been “Lenin Dictionary”, the creation of which was initiated by V. I. Lenin in 1920 and the work on which was supervised by D. N. Ushakov. The dictionary was intended to become a reference book for the elimination of illiteracy in post-revolutionary Russia but because of complicated historical, political and economic reasons it had never been published, and in different documents is titled as “Lenin” (after the author of the idea), “Moscow” (after the place where it was being created, chiefly in the documents of the Petrograd team of the dictionary) and “Ushakov” (after its editor-in-chief). The work on the card index creation in 1921-1923 was headed by Ushakov, and the Leningrad group of collaborating scholars was headed by L. V. Scherba. The card index of this dictionary, sent from Leningrad to Moscow in 1934, was considered to be lost. The article has collected and summarized many facts on the history of this card index published earlier and has presented the data, and specifically those from the Institute archives, concerning the history of discovery of the card index in question in the funds of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The article publishes for the first time two letters of Ushakov to V. M. Istrin written in 1925 (slightly abridged), which briefly describe the situation of the possible loss of the fund and its subsequent discovery by Ushakov and discuss the prospects of its transfer to the Academy of Sciences in Petrograd. The article dwells on the card index plight and oblivion taking into account the controversial and dynamic cultural and socio-political situation of the 1920s. The article provides a brief description of the fund and its basic characteristics (vocabulary, sources, extent of material, and selected personalia) on the material of the card index fragment *Kolupať – Kommfraktsiya*. An attempt is made to restore the probable appearance of the dictionary entry.

Key words: history of the Russian lexicography; methodology of lexicography; card index of the “Lenin” dictionary; Great Card Index; the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

For citation: Priemysheva, M. N., Stukova, E. G. (2023). On the Forgotten Card Index of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260.

Введение

Большая словарная картотека Института лингвистических исследований Российской Академии наук, или – как ее еще называют лингвисты старшего поколения – словарная картотека Грота-Шахматова, – в настоящее время является уникальным многомиллионным хранилищем лексических материалов, «сокровищницей» русской лексики, которая формировалась с конца XIX века как инструментарий для подготовки и составления основных толковых академических словарей русского языка. На материалах картотеки составлялись неоконченные «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота – А. А. Шахматова (1895–1929), «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937), были полностью составлены «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт. (БАС-1, БАС-2), «Словарь русского языка» в 4-х тт. (МАС-1, МАС-2), «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой в 2-х тт., другие аспектные академические словари XX века. Картотека является одним из постоянных источников «Словаря русских народных говоров». История создания, описание фондов картотеки, а также формы научной работы с ней пред-

ставлены в целом ряде публикаций, напр.: [Котелова и др. 1967; Семериков 1967; Рожникова 2003; Приемышева 2003; Эвериня 2022]. До появления Национального корпуса русского языка Большая словарная картотека являлась единственным в России «генеральным фондом» русской лексики, а с ее материалами за период с 1947 по 2007 гг. смогли поработать около 3 000 специалистов как из России, так и из других стран Европы, Азии, Африки и Америки. Но ввиду больших объемов, ввиду специфики форматов хранения (ящики, кубы, шкафы) в разных помещениях (затрудняющих зачастую свободный доступ к материалам), ввиду того что последние описи картотеки составлялись только в 1950–1960-е гг., оказалось, что картотека, помимо малоиспользуемых дополнительных фондов, до сих пор хранит в своем архиве огромное количество неиспользуемых, забытых материалов. Из особенно ценных дополнительных фондов можно назвать, например, картотеку словаря к поэтическим произведениям П. А. Вяземского, составленную и переданную в Академию наук его внучкой, графиней Е. П. Шереметевой (вдовой графа С. Д. Шереметева), Материалы для словарей к сочинениям Ломоносова, Сумаро-

кова, Державина, собранные преподавателем словесности Петербургский женской гимназии К. П. Петровым – автором опубликованного «Словаря к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» (СПб., 1904) – и переданные им в Академию наук в 1908 г., Материалы для словаря к сочинениям А. С. Пушкина, собранные кружком графа А. И. Урусова, Материалы для словаря языка М. Ю. Лермонтова, часть картотеки словаря русского народного языка А. Н. Островского, переданной в Академию наук братом писателя М. Н. Островским в 1891 г. (другая часть хранится в СПбФ АРАН) и нек. др.

Однако многие из хранящихся в картотеке фондов неизвестны даже сотрудникам картотеки. В связи с чем в настоящее время была возобновлена работа по систематизации и описанию всего фонда картотеки, в том числе ее архива. И в результате этой работы сотрудников картотеки ожидал ряд интересных открытий...

Одно из таких открытий связано с обнаружением, а точнее сказать – с атрибуцией картотеки так называемого «ленинского» словаря, работа над которым велась с июня 1921 г. по декабрь 1923 г. по инициативе В. И. Ленина под руководством Д. Н. Ушакова коллективом московских лингвистов и филологов (Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Н. Грузинский, А. А. Буслаев и мн. др.) при участии петроградских лингвистов – членов Словарной комиссии Академии наук (Л. В. Щерба, С. И. Обнорский, Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Н. К. Ядрышев).

Этот словарь должен был стать первым словарем новой социалистической России, кратким справочным пособием по русскому языку с иллюстрациями и предназначался «для всего населения России, нуждающегося в современном справочном пособии при чтении новой и новейшей русской литературы, газет, журналов и пр.» [Никитин 2016: 14], словарем по типу малого «Ларусса» или «Малого толкового словаря русского языка по типу Ларусса и Даля» П. Е. Стояна (3-е изд., 1916 г.).

Трудная история создания так называемого иллюстрированного словаря русского живого литературного языка», этапы подготовки и работы, сложности и проблемы, внезапное прекращение работы в связи с

болезнью и смертью Ленина очень подробно восстановлены на основании огромного числа архивных документов и хорошо представлены в ряде публикаций Е. А. Левашова, О. В. Никитина, В. П. Петушкова [Левашов, Петушков 1970, 1975; Левашов 1998; Никитин 2004, 2005, 2012, 2016 и др., Петушков 1976]. В настоящее время данной темой глубоко и всесторонне занимается О. В. Никитин.

История создания картотеки

Одной из сложных страниц истории этого словаря является судьба его картотеки.

По опубликованным источникам (преимущественно на основании архивных данных) краткая история создания и дальнейшая судьба картотеки этого словаря восстанавливаются следующим образом.

В подготовке картотечных материалов в 1921–1923 гг. участвовало в общей сложности около 60 человек. Помимо основной, московской, группы указанных выше редакторов под руководством Д. Н. Ушакова были привлечены молодые сотрудники Московского университета (Д. Д. Благой, Б. В. Горнунг, В. А. Дружинина, М. Н. Петерсон, М. В. Сергиевский, А. Д. Седельников, Н. П. Сидоров, А. М. Пешковский, А. А. Реформатский, А. М. Селищев, Р. О. Шор, Н. И. Шатерников и мн. др.¹), а также петроградские ученые – сотрудники академического «Словаря русского языка» (под ред. А. А. Шахматова), работа над которым возобновилась в 1921 г. после возвращения в 1920-м г. эвакуированной ранее в Саратов Большой словарной картотеки (с января 1922 г. данный коллектив стал основой официально созданной при Академии наук «Комиссии по составлению «Словаря русского языка»). Задачей сотрудников Словарной комиссии было по преимуществу копирование авторитетных материалов из академической словарной картотеки.

По архивным данным, представленным в указанных выше публикациях Е. А. Левашова и О. В. Никитина, общий фонд картотеки на момент завершения работы с ним составлял около 240 000 карточек (из них около 30 000 были подготов-

¹ В публикации [Левашов, Петушков 1970] в последней сноске авторы благодарят Б. В. Горнунга и А. А. Реформатского за личные устные воспоминания об их работе по созданию картотеки этого словаря.

лены в Петрограде). Словарь планировался и как толковый, и как энциклопедический (с иллюстрациями). Справочная, энциклопедическая информация должна была составить вторую часть словаря: «во вторую часть (чисто энциклопедическую) предполагалось ввести около 2000 географических имен, около 3500 обозначений исторических событий, около 4000 имен исторических деятелей и до 500 сокращенных обозначений учреждений и предметов¹ (всего около 10000 словарных статей)» [Левашов, Петушков 1975: 75].

Предварительный словник словаря включал преимущественно актуальную общеупотребительную и новую лексику, большое количество актуальных для 1920-х гг. иностранных слов и для экономии времени базировался на самых современных для авторов словарях: помимо указанного словаря П. Е. Стояна привлекались академический «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота и А. А. Шахматова (а также его неизданные материалы²), «Полный русско-французский словарь» Н. П. Макарова (13-е изд., СПб., 1908), «Русско-немецкий словарь» И. Я. Павловского (3-е изд. Рига, 1911), «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова (2-е изд., СПб., 1913), «Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» Е. Ефремова (под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1911). Предполагалось использование «Толкового и словопроизводного словаря русского языка для школы и самообразования» Г. А. Миловидова (М., 1913) [Никитин 2004: 207].

Очень показательными с точки зрения концепции словаря и его замысла, а также с точки зрения отражения духа времени являются источники словаря (см. подробнее, напр. [Никитин 2004: 201–202, Ники-

тин 2016: 15–16]). Подчеркнем только, что помимо традиционной для словарей классической литературы (цитаты из которой преимущественно копировались участниками петроградской группы), в фокус внимания авторов и выборщиков попали преимущественно поэты и писатели Серебряного века различных направлений (А. Белый, В. Брюсов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Н. Гумилев, С. Есенин, В. Иванов, Н. Клюев, О. Мандельштам, Д. Мережковский, И. Северянин, М. Цветаева и мн. др.), политики – В. Ленин, П. Бухарин, А. Луначарский, Г. Плеханов и др. По архивным данным восстанавливается количество таких авторов – не менее 75. Очень широко представлена в картотеке современная авторам дореволюционная и послереволюционная периодика цитатами из журналов «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Живописная Россия», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русское слово», «Современный мир», «Вестник театра», «Жизнь», «Искусство», «Искусство коммуны», «Красный журналист», «Творчество», «Красная новь», «Пролетарская культура», «Художественная жизнь» и др., из газет «Беднота», «Известия», «Правда», «Коммунистический труд» и др.

Особенно обратим внимание на тот факт, что для данной картотеки, учитывая ее важность и важность самого проекта, были в типографии Госиздата заказаны специальные карточки (их наличие послужило одним из самых главных оснований для атрибуции фонда). Так, в материалах Центрального государственного Архива Е. А. Левашов обнаружил следующие сведения:

«Согласно предписанию председателя Совнаркома В. И. Ленина, особой комиссией ученых-специалистов <...> был разработан план работ по составлению и подготовке нового словаря русского языка <...>. Поэтому Управление научных учреждений Акцентра настоятельно просит Госиздат принять самые срочные меры к напечатанию на хорошей плотной бумаге 500 000 экз. прилагаемого при сем образца карточки для выборки материалов» [Левашов, Петушков 1975: 77–78]. И такие карточки, как теперь видно при осмотре фонда, были напечатаны.

¹ При обнаружении алфавитной картотеки словаря на буквы А-Я были также обнаружены материалы «сокращенных обозначений учреждений и предметов» общим числом около 1270 карточек. См. подробнее об этом в следующей публикации.

² Ср., напр.: «В июне 1922 г. Редакционный комитет московского словаря обратился к В. М. Истрину с новой просьбой – переслать через заведующего Петроградским отделением словаря проф. Л. В. Щербу корректурные листы неизданных еще выпусков Академического словаря на буквы И, «существенно необходимых для работы над новым словарем» [Семериков 1967: 294].

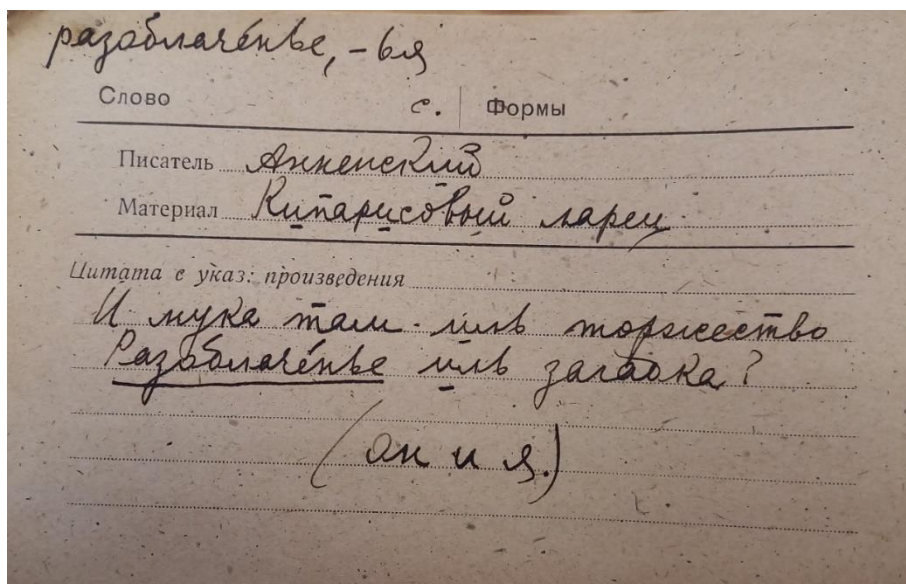

Рис. 1. Образец карточек, специально напечатанных Госиздатом в 1921 г. для подготовки картотеки словаря.
Карточка на слово «разоблаченье» с автографом Н. И. Шатерникова

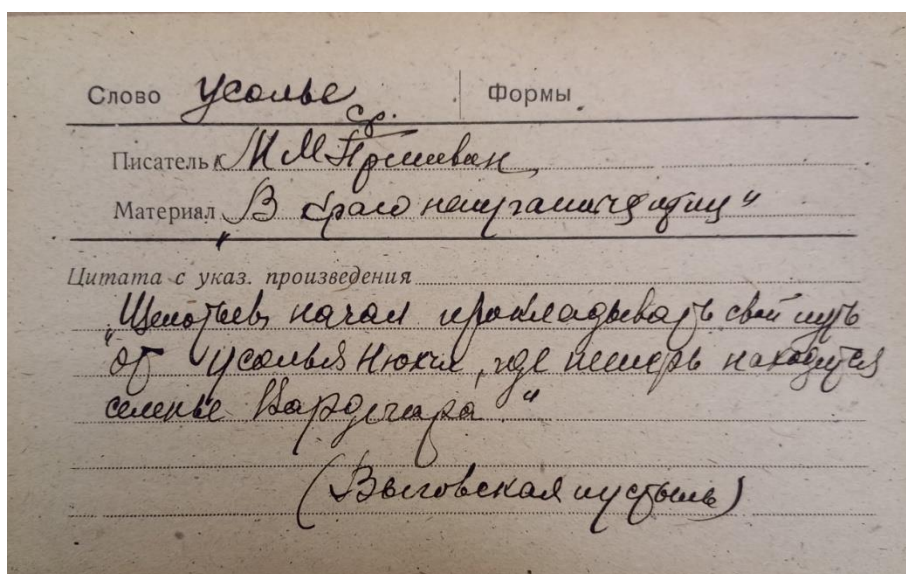

Рис. 2. Карточка из картотеки на слово «усолье». Автограф А. А. Реформатского

Дальнейшая судьба картотеки

Картотека была создана в кратчайшие сроки, видимо, в полном (для предполагаемого начала работы над словарем) объеме. Однако, в связи с замедлением темпа работы, а к декабрю 1923 г. – с официальным закрытием проекта ввиду недостаточности средств, картотека осталась бесхозной, а

точное ее местонахождение некоторое время оставалось неизвестным.

Но уже с начала 1924 г. Академия наук начала выражать интерес к картотеке, готовность и желание помочь и в ее сохранении, и в использовании ее материалов при создании академического «Словаря русского языка», о чем свидетельствует опублико-

ванное О. В. Никитиным письмо председателя ОРЯС В. М. Истрина от 18 февраля 1924 г. Д. Н. Ушакову: «Многоуважаемый Дмитрий Николаевич! До нас дошли слухи, что Московский Словарь приостановился. Даже более: будто у вас не знают, что делать с материалом. Если все это так, то не выдадите ли материалы нам, если не навсегда, то на время? Мы воспользовались бы из них для нашего Словаря тем, чего у нас недостает, т. е. выборкой из новейших писателей. Как Вы об этом думаете? Уважающий Вас В. Истрин» [Никитин 2004: 217].

В ответных письмах Д. Н. Ушакова В. М. Истрину восстанавливается как краткая история поиска им фонда, так и ответ на просьбу о передаче фонда в Петроград. Сложная, «детективная» история поиска и спасения Д. Н. Ушаковым картотеки «ленинского» словаря очень ярко и подробно описана О. В. Никитиным по архивным источникам [Никитин 2004: 212–214]. Здесь позволим себе процитировать впервые публикуемые фрагменты еще двух писем Д. Н. Ушакова за октябрь – ноябрь 1925 гг., в которых кратко отражаются эти две проблемы¹:

«Наконец, по вопросу о материалах московского словаря литературного языка. Воз и поныне там..., если возом считать самые карточки: они и поныне пребывают в кладовой Главнауки² (если не исчезли), хотя постановлением Н<ар>К<ом>проса, закрывшего словарь, они должны быть направлены в Социалистич.<ескую> Академию. Академия эта до сих пор и извещения о том не получала. Вы мне писали в 24-году о возможности переправить этот материал в Петербург, в Академию, чтоб спасти от гибели. Я тогда просил подождать, так как Гос. Издат. тогда вдруг загорелся желанием закончить и издать этот словарь. Я приглашен был подать докладную записку, смету и проч., что я и сделал. Было принято, и была избрана Комиссия, которая должна была познакомиться с материалами и которая... так и не приступила к работе (один из ее членов, Брюсов, успел и умереть). — Но еще гораздо раньше я,

чтобы спасти материал, предложил здешнему Н.<аучно-> Иссл.<едовательскому> Институту языка и литературы, в к<ото>ром я состою председателем лингвистической секции, взять из Главнауки и пристроить его у себя, в надежде, что может быть когда-нибудь исподволь мы что-нибудь с ним сделаем. Так или иначе работа по этому словарю стала считаться входящей в коллективную работу секции. Но для нее ничего еще не сделано, и материал еще, как я сказал, лежит где-то в Главнауке. В настоящее время, когда у Ассоциации Институты оказались какие-то ассигнования, опять поднялся вопрос о Словаре и потребных суммах на его довершение. Я все-таки поговорил сегодня с представителями Коллегии Института о том, что же не вернее ли было материал этот исхлопотать и отослать в Петербург в Академию. У меня сложилось такое впечатление от разговора: если б Академия наук взяла на себя работу по составлению этого словаря литературного языка, то материал был бы послан, а посылать только, так сказать, для сдачи в Архив нежелательно. Любопытно, что мы все говорим о материале, который формально принадлежит Главнауке, которая не знает, что ГосИздат имел на него виды, не знает, что наш Институт мечтает им заняться, не знает, что Академия наук считает целесообразным приобщить его к своим материалам. Собственно говоря, не мешало бы спросить хозяина этого материала, как он, хозяин, предпочитает распорядиться им. Впрочем, это хозяин юридически, может быть, и не хозяин: ведь постановление Н<ар>К<ом>Просато есть о передаче этого материала Соц. Академии... Но и эта последняя хозяйка не знает об этом, так как никакого уведомления ниоткуда не получала. Преданный Вам Д. Ушаков 15/X-1925. Сивцев Вражек, 38»³

В письме от 7 ноября 1925 г. Д. Н. Ушаков пишет В. М. Истрину: «Относительно материалов по Словарю надо сказать, что настоящий момент, может быть, недостаточно благоприятный для Академии. Сейчас Институт как раз затеял это дело с Главнаукой, и Главнаука не будет знать, что ей делать, кого предпочесть. Ес-

¹ В текстах писем авторские орфография и пунктуация сохранены, в угловых скобках раскрыты сокращения.

² Орган в структуре Академического центра Наркомпроса – Народногo комиссариата просвещения РСФСР.

³ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 169, л.19 об. – 21 об.

ли бы Академии удалось доказать, что из институтской затеи ничего не выйдет (недостаток средств и т.д.), тогда другое дело, но поверят ли доказательствам? Кстати (и даже очень кстати): материалов Главнаука до сих пор не может найти... Преданный Вам Д. Ушаков <...> 7/XI <1>925, Сивцев Вражек, 38»¹.

Однако уже в декабре Д. Н. Ушаков нашел картотеку при удручающих обстоятельствах: она была обнаружена в Главнауке в ненадлежащем состоянии, о чем он составил 5 декабря 1925 г. собственноручно акт, фрагмент которого был опубликован О. В. Никитиным: «Материалы для Словаря русского литературного языка, изготовлявшегося при Главнауке в 1921–1923 г. и прекращенного по постановлению Коллегии Наркомпроса, состоящие из карточек, найдены т. Мариным и находятся в помещении Топливного отдела Наркомпроса <...> в комнате перед уборной на полу в полном беспорядке; карточки, частью в связках, частью не связанные, находятся в перекрытых ящиках, по словам технических служащих, этого материала было больше и при переноске его часть, неизвестно когда, исчезла» [Никитин 2004: 214].

Таким образом, в начале декабря 1925 г. картотека, с некоторыми утратами фонда, была обнаружена.

Поскольку Д. Н. Ушаков в декабре 1925 г. приехал в Главнауку с целью забрать картотеку для Научно-исследовательского Института языка и литературы, то можно предположить, что в Институте Д. Н. Ушаков так и не смог реализовать свой замысел.

Для дальнейшей судьбы картотеки готовность Академии наук на тот момент воспользоваться ее материалами при текущем составлении «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова сыграла, как мы увидим далее, положительную роль.

Так, в Отчете АН СССР за 1934 г. по Институту языка и мышления (г. Ленинград), где в то время уже в Словарном отделе²

продолжалась работа над составлением «Словаря русского языка» и формировалась Большая словарная картотека, отмечается следующее: «Фактический прирост <картотеки> выразился в количестве 270 144 карточек (на 5 декабря 1934 г.), не считая полученного из Москвы специального картотечного собрания в количестве 140 000 карточек, составленного в 1920-х гг. на специальные ассигнования В. И. Ленина» [Отчет... 1935: 378, курсив наш – М. П., Е. С.]. То есть картотека «ленинского» словаря, первого «Ушаковского словаря», таким образом, в своей основной части оказалась в Ленинграде.

Как писал А. В. Семериков, заведующий Большой словарной картотекой с 1947 по 1964 гг., «...этим материалам было присвоено название «Ленинских». Однако заведующий Словарным отделом, чл.-корр. Академии наук В. И. Чернышев в январе 1939 года дал указание сотрудникам Института называть упомянутое собрание «Материалами Ушаковского словаря». Об этом был составлен 29 января 1939 года следующий протокол: «В составе Картотеки Словарного отдела имеется собрание материалов, служивших для составления Толкового словаря, издаваемого под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Эти материалы работниками картотеки неправильно именуется: «Ленинский словарь». Настоящее собрание постановило: 1) снять указанное неправильное название; 2) именовать данное собрание «Материалы к составлению Толкового словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова, сокращенно: «Ушаковский словарь». Позднейшей проверкой было установлено, что составители Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Д. Н. Ушакова, вышедшего в 1935–1940 гг. не имели никакого отношения к собранию выше названных материалов; они не имели этих материалов в своем распоряжении и при составлении словаря. В настоящее время упомянутому собранию словарных карточек, находящихся на хранении в Словарном секторе Института русского языка в Ленинграде, восстановлено первоначальное название – «Словарные материалы 1920-х годов», под которыми они поступи-

ники (за исключением Ф. И. Покровского и Н. К. Ядрышева), которые входили в состав петроградской группы словаря.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 169, л.23 – 23 об.

² В 1931 г. Постоянная словарная комиссия при Академии наук СССР была присоединена к Институту языка и мышления – единственному на тот момент лингвистическому институту в системе Академии наук – в качестве самостоятельного подразделения. Подчеркнем, что в его составе продолжали работать те сотруд-

ли в Институт в 1934 году» [Семериков 1967: 292–293].

Поскольку название фонда существенно повлияло на его дальнейшую трудную судьбу и фактическое, до настоящего момента, забвение, остановимся на этом факте подробнее.

Рабочее название словаря в переписке участников проекта, к которым относился в 1920-е гг. в том числе и В. И. Чернышев,

варьировалось: он назывался (видимо, по преимуществу московскими авторами) «ленинским» (на ряде перевязанных стопок и в настоящий момент сохранилось такое название), среди петроградских участников он назывался «московским» и, судя по всему, «ушаковским» (так как уточнение В. И. Чернышева в 1939 г. могло быть сделано только поэтому).

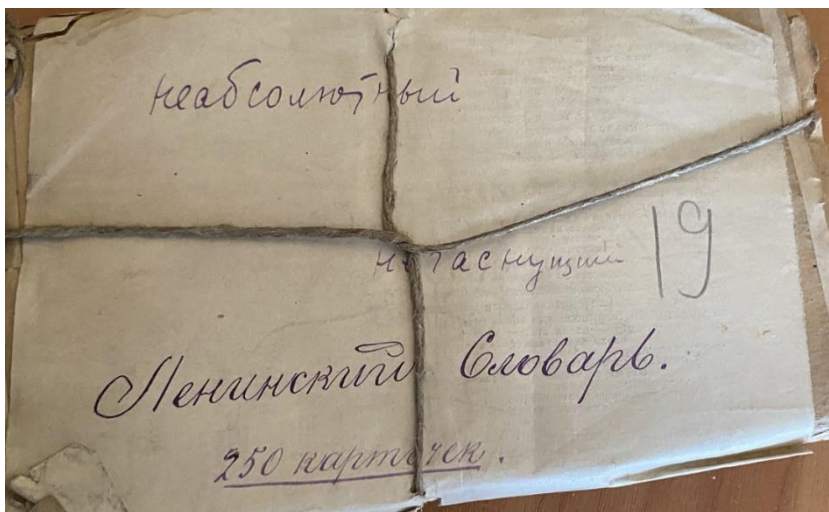

Рис. 3. Надпись на перевязанной стопке карточек

Предположительно, чтобы не привлекать внимание к картотеке «ленинского» словаря, которая содержала большое количество выписок из запрещенных и репрессированных авторов (А. Белый, В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Хлебников, М. Цветаева и мн. др.), а также потому, что в 1937 г. саму картотеку «Словаря русского языка» подвергли существенной зачистке (в связи с обвинением авторов издаваемого академического Словаря и выборщиков картотеки в троцкизме)¹, В. И. Чернышев предложил именовать картотеку одним из ее других рабочих названий — «Ушаковский словарь». Но, видимо, В. И. Чернышев в вопросы оформления фонда не вникал, а

новые сотрудники отдела² наименование «Ушаковский словарь» поняли в контексте своего личного знания о публиковавшемся в те годы «Толковом словаре русского языка»³. Считать автором такой ошибки — отождествления рабочего наименования «Ушаковский словарь» с названием еще не

² С 1932 г. происходило существенное обновление состава сотрудников Отдела.

³ Несмотря на авторитетность публикации А. В. Семерикова, остается неясным, как в 1939 г. такая путаница могла возникнуть в ситуации, когда «Толковый словарь...» еще не был окончен, а данная картотека, находясь с 1934 г. в Ленинграде, не могла использоваться при его создании. Более того, некоторые авторы издаваемого словаря под ред. Д. Н. Ушакова были сотрудниками Института языка и мышления (например, С. И. Ожегов до 1936 г. работал в Институте над созданием выпуска буквы Д «Словаря русского языка», Б. А. Ларин был сотрудником «Словаря древнерусского словаря», работа над которым велась тогда в Словарном отделе Института), и для сотрудников картотеки не могло не быть очевидным, что эти материалы, в том числе и этими сотрудниками, не использовались.

¹ Из рабочих тетрадей первого заведующего картотечкой А. В. Семерикова следует, что в 1937 г. была проведена зачистка фонда картотеки и изъятый материал был объединен в «фонд, не подлежащий обращению» и «содержащийся на особом хранении», который составил 45–50 тыс. карточек.

завершенного «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова – самого В. И. Чернышева, участвовавшего в создании и переписывании карточек для первого из этих словарей, не представляется возможным. Возможно также, что фонд намеренно был назван ошибочно, чтобы под видом картотеки уже как будто сделанного и имеющего авторитет словаря не привлекать внимание к выборкам из запрещенных авторов.

Также следует подчеркнуть, что только в публикациях о составе фонда [Котелова и др. 1967, Семериков 1967] он называется «Словарные материалы 1920-х гг.», тогда как во всех сохранившихся описях дополнительных фондов картотеки данный фонд так и остался названным или «Ушаковский словарь», или «Картотека “Толкового словаря русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова». Запись «Словарные материалы 1920-х гг.» в описях не встречается (возможно, такая надпись могла быть на ящиках, в которых хранилась картотека, но ввиду плохих условий хранения надписи на ящиках за много лет стерлись или оказались утрачены). Запись «Картотека «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова», а также «Ушаковский словарь» для последующих поколений сотрудников картотеки могла означать, что это картотека законченного словаря (то есть включает использованный, отработанный, неактуальный материал), поэтому особого внимания, даже у сотрудников картотеки, ее материалы больше не привлекли.

Помимо неактуальности наименования фонда, осложняющим фактором для его сохранности и точной атрибуции оказались и проблемы хранения всей картотеки в целом: и эвакуация ее во время Великой Отечественной войны, и длительное приведение в порядок основной картотеки после возвращения. Сразу после войны была возобновлена работа над будущим «Словарем современного русского литературного языка» в 17 тт., поэтому все силы сотрудников были брошены на приведение материалов в порядок и на активное пополнение картотеки новыми материалами. Как отмечает А. В. Семериков, к концу 1947 г. картотека была приведена в порядок и начала функционировать, и только к 1954 г. была полностью систематизирована,

оформлена и обрела рабочий вид. При этом после войны и до настоящего времени картотека неоднократно меняла место своего нахождения – в послевоенные годы она располагалась на 3 этаже Пушкинского Дома, позднее – в подвальном этаже Главного здания Академии наук (сейчас здание СПбНЦ), а с 1991 г. – в Тучковом переулке, 9 (где также пережила 2 переезда до ее настоящего местонахождения на 5 этаже здания, впервые за всю историю картотеки предназначенного специально для нее). Необходимо подчеркнуть, что «дополнительные фонды» более (после их описи А. В. Семериковым) никогда не использовались, не оформлялись и не описывались, так как задачей сотрудников была работа только с основным фондом.

Судьбой картотеки «ленинского словаря» в 1970–1990-е гг. очень заинтересовался сотрудник Института – кандидат филологических наук Евгений Александрович Левашов. И если о самом «ленинском» словаре он со своим коллегой – Валентином Петровичем Петушковым – подготовил несколько публикаций [Левашов, Петушков 1970; Левашов, Петушков 1975; Петушков 1976; Левашов 1998], то местонахождением картотеки интересовался постоянно и пытался привлечь внимание сотрудников картотеки к этому фонду с целью инициирования его поисков. И, видимо, отчасти ему это удалось. В одной из сносок в своей монографии, говоря о картотеке Словаря 1920-х гг., автор отмечает: «Эта картотека находится до настоящего времени в законсервированном состоянии в архиве Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Частично она была просмотрена при подготовке настоящей книги» [Левашов, Петушков 1975: 96]. Также авторы приводят образец одной карточки на слово «гелертерский» с указанием, что она взята «из Архива Словарного сектора» [Там же: 85]. В начале 2000-х гг., в период переезда картотеки, Е. А. Левашов в результате самостоятельных поисков смог обнаружить несколько ящиков с разрозненными материалами фонда, но совокупного объема фонда ни он, ни сотрудники картотеки не могли на тот момент найти. Предположительно считалось, что весь фонд утрачен в период эвакуации или переездов.

Обнаружение фонда картотеки и его краткая характеристика

Однако стечение ряда обстоятельств и случайностей привели сотрудников картотеки и группы Большого академического словаря в августе 2023 г. к обнаружению этого фонда в достаточно большом объеме, и первоначально по ряду косвенных признаков было установлено, что, собранный воедино, данный неатрибутированный картотечный фонд является картотекой первого «ушаковского» (т. е. «ленинского») словаря. Дальнейший, уже целенаправ-

ленный поиск архивных материалов всего Словарного сектора ИЛИ РАН позволил увеличить количество искомого картотечного материала. В настоящий момент можно утверждать, что сотрудниками собрана полная из имеющегося в Институте картотека словаря 1920-х гг.¹

¹ Ввиду того что еще некоторое количество дополнительных фондов картотеки подлежат систематизации и упорядочиванию, остается небольшая вероятность нахождения еще некоторых материалов данной картотеки.

Рис. 4. Найденная картотека

Основанием для точной атрибуции послужило несколько факторов. Во-первых, обнаружение в Архиве картотеки и приведение в порядок полных описей материалов картотеки ее сотрудником – Геннадием Алексеевичем Кузнецовым – позволило обнаружить факт наличия в картотеке на период 1956 г. фонда «Ушаковский словарь», что поставило перед сотрудниками проблему его поиска. Во-вторых, в составе обнаруженной картотеки было найдено значительное число специальных типографских карточек, которые совпали по внешнему виду с теми, образцы которых приведены в монографии [Левашов, Петушков 1975] и которые, как выяснилось

из этой книги, были заказаны именно для создания «ленинского» словаря в 1921 году. В-третьих, был установлен уникальный для лексикографии XX века состав авторов источников (особенно поэтов Серебряного века), большая часть из которых до начала 1990-х гг. были под официальным запретом: произведения таких авторов не могли быть источниками для словарной выборки с 1924 г. по 1990-е гг.

Однако по-настоящему сложить все элементы в единую картину позволили публикации на тему «ленинского» словаря Е. А. Левашова, В. П. Петушкова, многочисленные публикации О. В. Никитина, а также малоиспользуемые в работе карто-

теки публикации ее первого заведующего – А. В. Семерикова.

В настоящее время собранный как одно целое и достоверно атрибутированный фонд в целом соотносится с самой ранней описью «Ушаковского словаря», которая позволяет судить о его размерах и структуре. Фонд состоял из 104 ящиков, в 103 из которых были представлены разложенные по алфавиту материалы на буквы от А до Я, в 104-м ящике – «Материалы на разные буквы». Именно к последней части следует отнести материалы «сокращений», которые предположительно относились ко второй, справочной, части предполагаемого словаря. Обнаружение этой части фонда трудно переоценить¹. При этом в рабочей тетради А. В. Семерикова с образцами почерков картотеки этот фонд описан уже иначе: «Материалы к Толковому словарю под ред. проф. Д. Н. Ушакова («Ушаковский словарь») – 128 ящиков + 1 ящик, не приведенный в порядок = 129 ящиков»².

В общей характеристике фонда присоединимся к его первому опубликованному краткому описанию: «Материалы для словаря, собранные в 20-е годы, представляют собой картотеку, содержащую около 140 000 карточек. В ней представлены выборки из классической литературы XIX в. – сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского и др.³ Особенно важно то, что в картотеке имеются многочисленные выборки из журналов конца XIX – начала XX в., произведений прозаиков и поэтов XIX – начала XX в. Таких выборок в основной картотеке мы обыкновенно не находим. Материал распределен в алфавитном порядке на пачки карточек, внутри кото-

рых тоже соблюдается алфавитный порядок. Некоторые пачки представляют собой перечень (словник) слов, которые, по видимому, предполагалось включить в словарь. Каждое слово в пачке иллюстрируется несколькими цитатами, иногда имеются и толкования значений. Можно заметить, что работа над словарем была прервана в самом начале» [Котелова и др. 1967: 41–42].

Примерный объем фонда пока предварительно можно соотнести с размером, указанным в 1934 г., в 140 000 карточек: полная опись фонда через некоторое время позволит уточнить эти данные в меньшую или большую сторону. В целом фонд является достаточно полным – он включает материалы на все буквы алфавита от А до Я, за исключением значительных и незначительных лаун на ряд букв

Карточки в картотеке в среднем одинаковые и имеют размер 16,5 x 10,5 см, большая часть из них – полиграфически изданные, часть – самодельные, вырезанные из обычной тонкой бумаги. Причем необходимо отметить, что, например, на букву А и начало буквы Б карточки еще только самодельные, тогда как начиная середины буквы Б в картотеке представлены карточки как типографские, так и вырезанные из обычной бумаги. То есть работа по составлению картотеки началась до того, как выборщиками были получены типографские карточки. Большой интерес представляет обратная сторона некоторых самодельных карточек: иногда они написаны на чистой бумаге, иногда на фрагментах бланков, документов, текстов, в том числе позволяющих установить место работы выборщика или причастность его к тому или иному учреждению. Так, например, очень много вырезок сделано из документов, бланков Московского университета и его библиотеки. См., например:

¹ См. подробнее следующую публикацию.

² Количественная разница в ящиках в первой описи (104) и в данном упоминании (129) может быть вызвана перемещением фонда из ящиков, хранящихся в специальных больших картотечных шкафах (длина ящика – 60 см), в отдельные крытые ящики (длина ящика – около 44 см), в которых до начала XXI века хранились дополнительные фонды. Предположительно, фонд изначально также хранился в другом месте, так как в Описи картотеки (в рукописном отчете Словарного отдела Института языка и мышления за 1937 г.) значатся «Словарные материалы для Ленинского словаря» в объеме – 124 ящика.

³ Подчеркнем, что цитаты из классической литературы первой половины XIX века единичны.

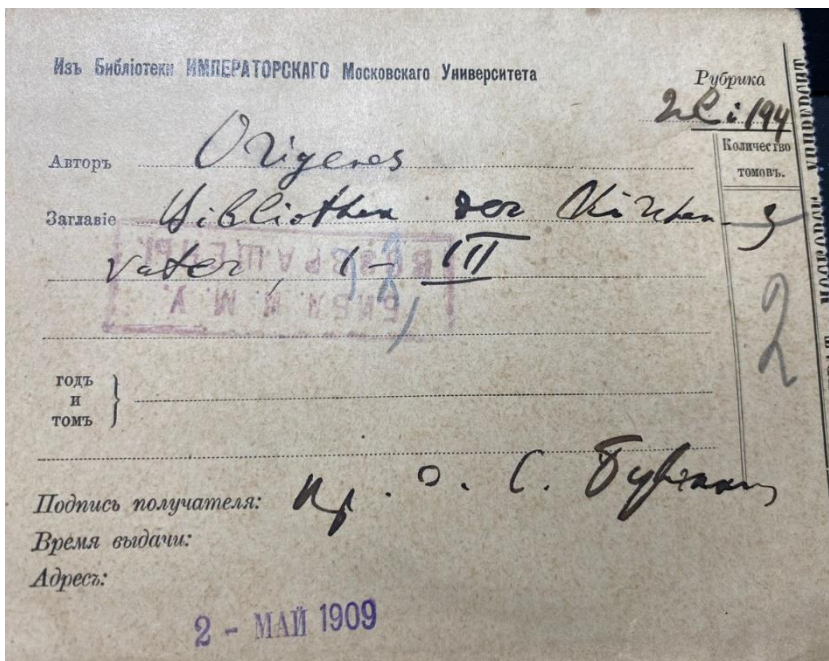

Рис. 6. Оборот карточки – бланк требования на литературу библиотеки Императорского Московского университета (1909 г.) с автографом пр<отоиерея> о. Сергия Булгакова

Или, например, документация Горного института в Петербурге-Петрограде, где

работал библиотекарем один из сотрудников словарной комиссии – Н. К. Ядрышев:

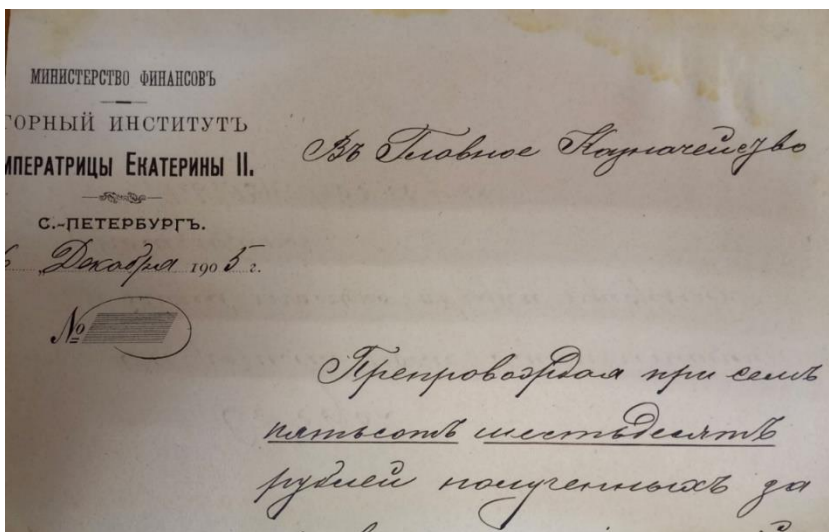

Рис. 7. Оборот карточки – бланк Горного Института (1905 г.)

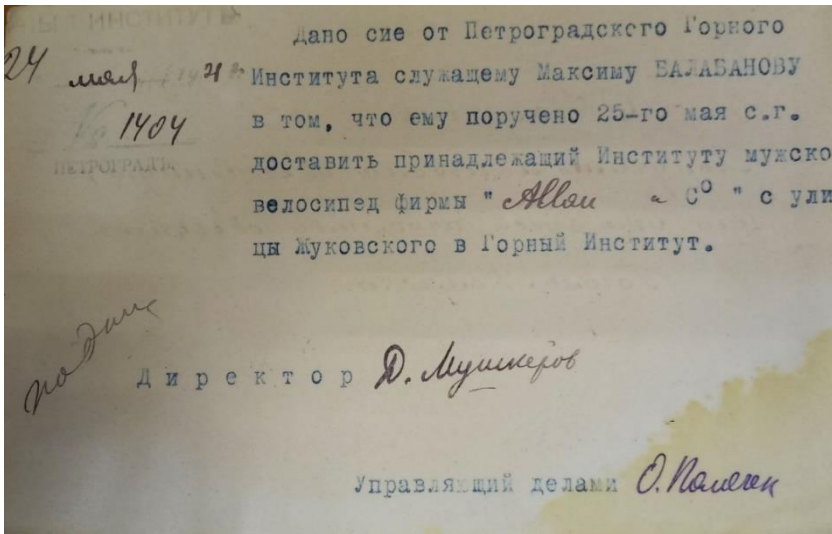

Рис. 8. Оборот карточки – нотариальная доверенность, оформленная по заказу Горного института (1921 г.)

При этом интересно, что самодельные карточки широко использовались выборщиками московской группы, а типографские – не менее широко сотрудниками петроградской группы.

Содержательно картотека в своей основе представляет собой карточки с указанием слова и иллюстрацией к нему из художественного, поэтического, публицистического текста.

Обычно на 1 слово приводится 1 карточка с цитатой, в случае многозначности слова – от 2 до 7 карточек-цитат.

Как отмечалось в опубликованной характеристике фонда, на некоторых карточках представлены и фрагменты будущей словарной статьи.

В качестве иллюстрации приведем один произвольно выбранный фрагмент картотеки – **колупать-коммфракция** из отрезка **колупать-компромисс**¹:

¹ Далее указывается вокабула с карточки и – в скобках – перечень авторов тех цитат, которые приводятся на последующих карточках картотеки. В ряде случаев на карточках представлены толкования. Если на базовой карточке (с определениями) дается предполагаемое словообразовательное гнездо, то фамилии авторов источников приводятся при том слове, которое входит в такое гнездо и на которое имеется отдельная карточка-цитата. Поскольку сложные слова следуют обычно ранее примеров на само слово или его дериваты, это дает основание предположить, что такие слова должны были бы даваться как иллюстративный

колу́пать², -аю, -аешь. Ковырять. сов.в. -пн^уть, -пн^у, -пн^ешь. (Арцыбашев)

колухн^уться (Л. Леонов) (цитата на колыхнуться)

колх^оз (Д. Бедный)

ко́лча, -и, ж. Кочка.

Колча́к, -а, м. (Самобытник)

колчакиа́да (Коммунистический труд 1920, № 27)

колча́ковец (Ленин)

колча́ковский (Д. Бедный, Ленин)

колча́ковщина (Ленин, Коммунистический труд 1920, № 2)

колча́н, -а, м. Кожаный или деревянный футляр для помещения стрел.

колчевáтик (Пришвин)

колчедáн, а, м. Общее название для минералов, представляющих сернистые, мышьяковистые, реже селенистые и сурьмянистые соединения металлов из группы железа, кобальта, никеля, платины, частью олова и меди.

колчен^бгий, -ая, -ое. Хромой; особенно тот, у которого одна нога короче другой; кривоногий, имеющий ноги дугой, и вообще: имеющий походку с покачиванием на обе стороны. (Сергеев-Ценский)

материал на основное слово. Оформление полужирным, прямым и курсивом представлено так, как оно обозначено на составительских карточках.

² Как следует из записей Д. Н. Ушакова, слова должны были оформляться «с малой буквы» [Никитин 2004: 199].

колчужка (Пришвин, Сергеев-Ценский)

колыбайка (В. Каменский)

колѣбаться (Пришвин)¹

колыбѣлимый, -ая, -ое. Убаюкиваемый, усыпляемый. (У Маяковского). (Маяковский)

колыбѣль, и, ж. 1. Приспособление для качивания маленьких детей; зыбка, люлька, качалка. 2. Перен.: родина, место рождения человека, где он провел свое младенчество; а в дальнейшем и – место происхождения народа, поколения, науки и т. под. (Асеев, Бальмонт, Каменский, Клюев)

Уменьш. – **бѣлька**, и, ж. (Ремизов, Блок)

Прил. – **бѣльный**, -ая, -ое. (Ремизов, Самобытник, Клюев, Вяч. Иванов, Кузмин).

колыбель-ясли (Брюсов)

колыбѣльная (Блок, Городецкий)

колыбѣльно (Бальмонт, Г. Чулков)

колыбѣльно-знакомый (Клюев)

колыбѣльно-могильный (Мережковский)

колывань (Асеев)

колымага, -и, ж. Старинный крытый экипаж, похожий на нынешнюю карету, но без рессор и без особых сидений для едущих. Теперь так называют иногда вообще старинные громоздкие экипажи на колесах, рыдваны, дормезы и т.п. (Есенин)

Уменьш. – **мажка**, и, ж.

Прил. – **мажный**, -ая, -ое.

колыска (Русское слово 1904)

колыханье, -я, *ср.р.* (Брюсов, Ф. Сологуб, Анненский)

колыхать, - хаю, -хаешь. Качать плавно и легко. (Современный мир 1911, I, 217; Пастернак (колыханый), Северянин)

Возвр. – **хаться**, -хаюсь, -хаешься. (Хлебников, А. Белый, Самобытник, Н. Асеев, Б. Пастернак, Клычков, Анненский, Ф. Сологуб, Шершеневич)

Соверш. – **хнуть**, - хнуться. (Клычков, Блок, Арцыбашев)

колышек (Лесков, Шмелев)

колышень (Пришвин, В. Евр. 1914)

коль (Д. Бедный)

кольбовский, -ая, -ое. (Ленин)

кольдрём, -а, м. Косметическое средство: прохлаждающая мазь, приготовляемая из миндального масла, спермацета и

белого воска.

кольѣ, *ср.*, *нескл.* Ожерелье из драгоценных камней, одна из принадлежностей дамского туалета. (И. Северянин, Маяковский)

кольт, -а, м. (Морозов)

кольтовский, ая, ое. (Морозов)

<...>

коммуна, -ы, ж. (Самобытник, М. Горький, Клюев, М. Герасимов)

коммуна-общегитие (Коммунистический труд, 1920, № 148)

коммунализация, ж. (Мир Божий 1905, 12)

коммунальный, -ая, -ое (Кропоткин, Бакунин, Д. Бедный, Ленин, Морозов, Н. Бухарин)

коммунар, -а, м. Член коммуны. (Боборыкин, Маяковский, Самобытник, Брюсов, Д. Бедный, Ленин, Творчество 1919, Бакунин)

коммунар-большевик (Пролетарская культура, 1918, № 2)

коммунизация, -ии, -ж. (Морозов)

коммунизм, -а, м. Учение, отвергающее частную собственность во имя людского блага. (Мир Божий, 1905, 5, с.12).

коммунизм-марксизм (Коммунистический Труд. 1920. № 32).

коммунизма, ж. (Д. Бедный)

коммуникация, -ии, ж. *Стар.* Сообщение одного места с другим; пути, средства сообщения.

Прил. – **кационный**, -ая, -ое.

коммунист, -а, м. Последователь коммунизма (Д. Бедный. Маяковский, Самобытник).

Сущ. ж.р. – **нистка**, -и. (Д. Бедный, Ленин)

Прил. – **нистический**, ая, ое. (Бакунин, Плеханов, Бухарин, Д. Бедный, Мир Божий, 1906, Вестник Европы, 1918, № 1–4, Современный мир 1917, 1, с.202)

коммунист-горожанин (Красный журналист, 1921, № 7–9)

коммунист-футурист (Искусство Коммуны 1917).

коммунист-народник (Ленин).

коммунист-поляк (Коммунистический труд, 1920, № 23).

коммунистически-мыслящий, -ая, -ое. (Красный журналист, 1921, №7-9)

коммунистически-анархический, -ая, -ое (Коммунистический труд, 1920, № 16).

¹ Слово, видимо ошибочно, написано еще через «ять» и располагается по старому алфавиту.

коммунистский, -ая, -ое (Ленин).

комму́ния (Бухарин)

коммута́тор, -а, м. Прибор, служащий для замыкания электрического тока, для перемены направления или для прерывания его.

коммута́ция (Вестник Европы, 1907, №3).

коммфра́кция (Вестник театра, 1920)

Чуть подробнее, с раскрытием цитатного материала, проиллюстрируем подачу многозначного слова:

кольцо́, -á, ср.; мн. ко́льца, коле́ц. Металлическая (или из какого-н. другого материала) окружность, обод.

Прил. -цево́й, -áя, -бе.

И черный змей завит в кольцо, Шипел неведому кому... В. Хлебников. Ночь в окопе, 241.

Дым разорван был в кольцо. В. Хлебников (Творения, т. I, стр.11).

У меня жена — в кольцах да в шелках. Ореш<ин>. На деревне.

Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей. Н. Асеев Оксана, VIII (Осада неба, 19)

Свои серебряные кольца. Блок. Седое утро (Арфы и скрипки).

Способ постройки в кольцо. Лесков. Юдоль.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог. Есенин. Выткался на озере ясн<ый> свет зари> (Радуница)¹

О принципах создания и оформления словаря подробно, на основании архивных материалов, написано в работах современных исследователей (см., напр. [Никитин 2004; Никитин 2016 и др.]). Здесь же остановимся только на тех выводах, которые позволяют сделать краткий анализ обнаруженных материалов картотеки.

Словарь включал как актуальную широкоупотребительную лексику, так и новую, в том числе – индивидуально-авторскую². Из просмотренного отрезка к таким словам можно было бы отнести, например, *колыбельный*, *колыбельно-знакомый*, *колыбельно-могильный*, *колчакиада*, *коммунистически-мыслящий*, *коммунистически-анархический*.

¹ Наличие нескольких цитат при одном слове демонстрирует, как правило, разные его значения.

² В отношении таких слов в дневниковых заметках Д. Н. Ушакова отмечается: «...Слова редкие, свойственные одному писателю или однажды им употребленные – отмечены именем автора» [Никитин 2004: 199].

Встречается в картотеке также и некоторая областная лексика, употребление которой подтверждалось цитатами из произведений художественной литературы: *колчка*, *колывань*, *колыска*, *колышень*.

На основании просмотренного фрагмента очевидно, что имена собственные и прилагательные от имен собственных также включались в словарь, причем – судя по всему – в алфавите первой части: *Колчак*, *колчаковский*, *колыбовский*, *колытовский*, *Кольцов* (фамилия).

Словарная статья включала элемент гнездования. Регулярные формы (прилагательные от существительных, уменьш. формы, женский род от мужского; возвратные формы у глаголов, формы сов. в. при несовершенном), согласно оформлению на карточках, должны были разрабатываться в одной словарной статье. С учетом наличия и очередности иллюстративного материала на каждую из заявленных форм они должны были иллюстрироваться по мере их размещения в словарной статье.

Каждое слово, каждое значение многозначного слова или особая форма слова (напр., **ко́льцы**) должно было иллюстрироваться одной цитатой (без ориентации на политическую конъюнктуру), см., напр., слово **коммунизм**, содержащую в картотеке только 1 цитату, причем из журнала «Мир Божий» – ситуация, согласно подготовленным материалам 1–2 тт. «Словаря современного русского литературного языка», уже невозможная в конце 1930-х гг.

Цитаты подбирались преимущественно из самой актуальной современной литературы (источники из работ политических деятелей используются только для иллюстрации лексики социальной и социально-политической сферы, обилие поэтов, предположительно, вызвано именно тенденцией времени, а не художественными вкусами выборщиков, для наименования широкоупотребительной лексики прослеживается попытка показать их наличие в языке ранее за счет цитат преимущественно конца XIX века.

Оформление цитат (о чем свидетельствует шаблон печатной формы) предполагало грамматическое оформление материала, традиционное для словарного описания – преимущественно ударение, традиционные для толковых словарей грамма-

тические показатели существительных (окончание в род. п.), указание на род прилагательных (окончания женского и среднего рода), глаголов (окончания 1 и 2 лица) или на неизменяемость части речи приводились почти в каждой карточке: составителю оставалось только сформулировать определение. В просмотренном фрагменте периодически встречаются карточки с определениями. Текст на таких карточках располагался по вертикали, тогда как цитаты на карточках написаны по самой широкой, горизонтальной, ее части. Более того, на карточках с толкованиями содержатся графические знаки разметки, на основании которых можно условно восстановить графический облик статьи¹: волнистая черта (курсив), пунктир (разрядка), подчеркивание (полужирный шрифт).

Особенно подчеркнем еще не слишком сильную идеологизированность словаря, свободу и легкость авторов в выборе источников.

Также по материалам картотеки выявляются и уязвимые места в качестве лексикографической работы, которые можно оправдать сжатыми сроками подготовки картотеки и заданными ограниченными сроками создания самого словаря.

Одной из главных и уникальных исторически ценных особенностей картотеки является список ее выборщиков – авторов карточек. Так, О. В. Никитин, со ссылкой на архив Д. Н. Ушакова, отмечает, что «Н. И. Шатерников обрабатывал Анненского, Клюева, Короленко, Самобытника, Р. О. Шор – Морозова и Шершеневича, Б. В. Горнунг – Асеева, Хлебникова и Мандельштама, А. А. Реформатский – Кондурушкина и Пришвина, А. М. Пешковский – Ремизова, Д. Д. Благой – Ленина и Плеханова и др.». [Никитин 2004: 203]. В другой своей публикации исследователь приводит карточки с автографами московских авторов словаря – Б. В. Горнунга, А. А. Реформатского, А. М. Пешковского,

Р. О. Шор [Никитин 2016].

При первичном анализе материалов обнаружены также авторы выписок из «петроградской» группы. Из писем Л. В. Щербы, адресованных Д. Н. Ушакову [Никитин 2004: 220–227], а также из черновых набросков А. В. Семерикова к статье по истории картотеки также устанавливается, что очень активно «копировали» материалы из академической картотеки для картотеки «московского» словаря С. П. Обнорский, П. Л. Маштаков², Н. К. Ядрышев³.

Заключение

Обнаружение картотеки «ленинского» (или неопубликованного «ушаковского», согласно названию фонда в Архиве картотеки) словаря в ее значительном объеме – событие достаточно важное не только для Института лингвистических исследований РАН, который теперь является хранителем уникального и научно ценного словарного фонда. Этот факт чрезвычайно значим для отечественного языкознания в целом. Обнаруженный фонд, требующий еще целенаправленной работы по его хранению, систематизации и описанию, открывает новую перспективу дальнейших исследований в области истории, теории и практики отечественной лексикографии, истории русского языка первой четверти XX века, истории русской культуры и литературы XX века. На его основе можно хотя бы отчасти реконструировать первый в

¹ Материал выше оформлен согласно таким значкам. Несмотря на то что цитаты приводятся на отдельных карточках и графически не оформлены, они, с очень большой вероятностью, должны были бы даваться курсивом, так как предшествующая зона – толкование – не имела обозначения, а предшествующая толкованию зона была обозначена как курсив.

² Петр Лазаревич Маштаков (1872–1942) – штатный сотрудник Комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в Смольном институте, в ряде гимназий Санкт-Петербурга; один из исследователей «Слова о полку Игореве». Автор нескольких учебников и грамматик по русскому языку, многочисленных работ по русской топонимике.

³ Николай Константинович Ядрышев (1869–1928) – штатный сотрудник Словарной комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в ряде гимназий Санкт-Петербурга, в том числе в гимназии и в реальном училище Карла Мая; соавтор (совм. с М. В. Головинским) книги «История финского народа» (СПб., 1901); владел 14 языками. Долгое время работал библиотекарем Горного института в Петербурге-Петрограде.

истории советского государства словарь, над которым работали лучшие лингвисты и филологи 1920-х гг. и который был еще достаточно свободен от жестких рамок советской идеологии, существенно изменившейся в 1930-е гг. лексикографический ландшафт в описании русского языка. Обнаруженный фонд является замечательным

источником по изучению истории русского языка в целом. Сотрудники картотеки и авторы статьи не только рады были показать, что данная картотека была обнаружена как целостный научный объект и теперь имеет заботливого хозяина, но и надеются на то, что теперь этот фонд дождет своих новых исследователей...

Источники

Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. – М., 1935. – С. 378.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 332. Оп. 2. № 169. Лл. 19 об. – 23 об.

Литература

Котелова, Н. З. Словарная картотека современного русского языка / Н. З. Котелова, А. В. Семериков, Т. А. Дальгрэн // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. – М. : Наука, 1967. – С. 10–46.

Левашов, Е. А. Ленин и словари / Е. А. Левашов, В. П. Петушков. – Л. : Наука, 1975. – 109 с.

Левашов, Е. А. У истоков советской лексикографии / Е. А. Левашов, В. П. Петушков // Известия АН СССР. – 1970. – Т. XXIX. – С. 165–172.

Левашов, Е. А. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова / Е. А. Левашов // История русской лексикографии. – СПб. : Наука, 1998. – С. 346–351.

Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228.

Никитин, О. В. Забытая картотека (из лексикографической практики 1920-х гг.) / О. В. Никитин // Седьмые Поливановские чтения : сб. ст. по матер. докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 11–12 окт. 2005 г.). Ч. 1. Социоллингвистика. Лексика и фразеология. Лексикография. Проблемы методики. – Смоленск : СГПУ, 2005. – С. 209–220.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 13–22.

Петушков, В. П. Предисловие к «Записке об издании объяснительного словаря русского языка» В. Брюсова / В. П. Петушков // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. – М. : Наука, 1976. – С. 246–248.

Приемышева, М. Н. Картотека как источник лексикографической и научной работы / М. Н. Приемышева // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 1, часть 3. – СПб. : ИЛИ РАН, 2003. – С. 23–29.

Рогожникова, Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / Р. П. Рогожникова. – СПб. : Наука, 2003. – 106 с.

Семериков, А. В. Из истории академической словарной картотеки / А. В. Семериков // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. – М. : Наука, 1967. – С. 281–316.

Эзериня, С. А. К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / С. А. Эзериня // История, теория и практика академической лексикографии. Юбилейный сб. научн. статей / отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 35–46.

References

Ezerinya, S. A. (2022). K 135-letiyu Bol'shoi slovarnoi kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN [On the 135th Anniversary of the Great Card Index of the Institute for the Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii. Yubilejnyi sb. nauchn. statei*. M. N. Priemysheva (ed.). St. Petersburg, ILI RAN, pp. 35–46.

Kotelova, N. Z., Semerikov, A. V., Dal'gren, T. A. (1967). Slovarnaya kartoteka sovremennogo russkogo yazyka [The Dictionary Card Index of the Modern Russian Language]. In *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 10–46.

Levashov, E. A. (1998). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka pod red. D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary edited by D. N. Ushakov]. In *Istoriya russkoi leksikografii*. St. Petersburg, Nauka, pp. 346–351.

Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1970). U istokov sovetskoi leksikografii [At the Origins of the Soviet Lexicography]. In *Izvestiya AN SSSR*, XXIX, pp. 165–172.

Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1975). *Lenin i slovari* [Lenin and Dictionaries]. Leningrad, Nauka. 109 p.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-x gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovarya”) [The Forgotten Pages of the Russian Lexicography of 1920s (Prehistory of the Ushakov Dictionary)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshenii*. 1 (7), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2005). Zabytaya kartoteka (iz leksikograficheskoi praktiki 1920-kh gg.) [The Forgotten Card Index (from the Lexicographical Practice of the 1920s)]. In *Sed'mye Polivanovskie chteniya: Sb. st. po mater. dokl. i soobshch. konf. (Smolensk, 11–12 okt. 2005 goda)*. Part 1. *Sotsiolingvistika. Leksika i frazeologiya. Leksikografiya. Problemy metodiki*. Smolensk, SGPU, pp. 209–220.

Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essay on the History of the Russian Lexicography of the First Part of the XX century]. Slavyansk-na-Kubani, Izdatel'skii tsentr filiala KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani. 232 p.

Nikitin, O. V. (2016). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Lyarussa” [The Forgotten Card Index, or the Fate of the Russian “Larousse”]. In *Mir russkogo slova*. 1, pp. 13–22.

Petushkov, V. P. (1976). Predislovie k “Zapiske ob izdanii ob'yasnitel'nogo slovarya russkogo yazyka” V. Bryusova [Preface for the “Notes on the Edition of the Explanatory Dictionary of the Russian Language”]. In *Literaturnoe nasledstvo*. 85. Valerii Bryusov. Moscow, Nauka, pp. 246–248.

Priemysheva, M. N. (2003). Kartoteka kak istochnik leksikograficheskoi i nauchnoi raboty [Card Index as a Source of the Lexicographical and Scientific Work]. In *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. V. 1, part 3, pp. 23–29.

Rogozhnikova, R. P. (2003). *Sokrovishchnitsa russkogo slova. Istoriya Bol'shoi slovarnoi kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN* [The Treasury of the Russian Word. The History of the Great Dictionary Card Index of the Institute for the Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Nauka. 106 p.

Semerikov, A. V. (1967). Iz istorii akademicheskoi slovarnoi kartoteki [From the History of the Academic Dictionary Card Index]. In *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 281–316.

Данные об авторах

Приёмшева Марина Николаевна – доктор филологических наук, заведующая Отделом лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru.

Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Дата поступления: 19.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Priemysheva Marina Nikolaevna – Doctor of Philology, Head of Department of the Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Stukova Ekaterina Grigorievna – Junior Researcher of Department of the Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Date of receipt: 19.10.2023; date of publication: 30.12.2023